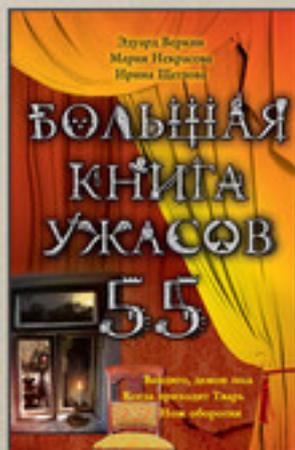

Мария Некрасова

Когда приходит Тварь

*Часть сборника
Большая книга ужасов – 55
(сборник)*

Мария Некрасова
Когда приходит Тварь

«ЭКСМО»

2011

Некрасова М. Е.

Когда приходит Тварь / М. Е. Некрасова — «Эксмо», 2011

Раз в месяц, когда приходит полная луна, Ира остается дома одна, вешает на двери замок, а на окна – железные скобы и цепь и ждет. Ее родственники всегда уезжают из дома заранее, чтобы, не дай бог, не увидеть... Соседи потом целый месяц вспоминают, как шумно было в их квартире: звенело разбиваемое стекло, стены содрогались, когда по полу скакало что-то тяжелое. Но Ира всегда отговаривается, мол, друзей в гости приглашала. На самом деле друзей у нее нет. Она одинока. У нее есть только она сама и... Тварь.

© Некрасова М. Е., 2011

© Эксмо, 2011

Содержание

31 декабря	5
1 января	10
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Мария Некрасова

Когда приходит Тварь

31 декабря

Я так боялась этого Нового года, что от ужаса делала вид, будто все в порядке. Полдня носилась по дому с пылесосом и тряпкой, полвечера торчала на кухне с теткой, нарезаю салаты под «Иронию судьбы». Машка (двоюродная сестра) закрылась у себя в комнате, делая вид, что готовится к экзаменам – нарастила «хвостов» перед праздниками. Я-то знала: она просто боится лишний раз со мной сталкиваться. Есть причина: кто-то вчера неосторожно назвал меня душой, а извиниться гордость не позволяет. Я не умею дуться так долго и уже давно бы забыла, но Машка спряталась в комнате и своим поведением забыть не давала. В другой день я бы уже пошла мириться сама, но тогда на нервах мне было просто не до нее. Казалось, пока убираюсь-готовлю, изображаю занятость, ничего не случится.

Тетка стряпала с какой-то показной дотошностью, взвешивая каждую картофелину на кухонных весах, и, кажется, тоже боялась. Нет, она никак себя не выдавала: стучала ножом и гадала вслух, что такого привезет нам дядя Леша, еще с утра уехавший за подарками. Он у нас всегда работает Дедом Морозом: мы с теткой и Машкой покупаем только по одному подарку для дяди Леша, а за остальными – для матери моей, одноклассников, друг для друга – снаряжаем его. Я думаю, ему просто не нравится вся эта предновогодняя возня, вот он и рад вырваться из дома.

– Ты просила что-то конкретное? – Тетка потыкала ножом овощи в кастрюле и слила кипяток. От раковины пошел пар, и теткинo лицо оказалось как в тумане. Нет, как в сауне: оно еще такое красное от кухонного жара...

– Нет.

– Значит, он купит тебе велосипед. У тебя же нет велосипеда.

– Зимой?! – Иногда я думаю, что она дура.

– А что? Зимой дешевле. – Иногда я это думаю два раза подряд. И тогда мне становится легче. Дура – значит дура. Какой с нее спрос, с дуры-то?! Можно не принимать ее слова всерьез и не обижаться.

– Да не стучи так ножом, палец отхватишь! – Она шлепнула меня по руке. – Ты какая-то шальная сегодня. И с Машей поссорилась.

– Помирюсь.

– Уж пожалуйста. А то вы, девки, поцапаетесь, а я тут как одинокий ковбой между кактусами!

Я хрюкнула, да и царапнула ножом по пальцу. Чуть-чуть, тетка, может, и не заметила бы, но я автоматически сунула палец в рот, чем себя и выдала.

– Таки порезалась, бешеная?! Иди, йодом залью!

Она испугалась, как будто я отхватила себе руку. Сдернула с полки йод, зубами вытащила пробку (и кто здесь сумасшедший?!), за руку подтащила меня к раковине и, приговаривая: «Не смотри – не смотри, тебе нельзя», залила йодом порезанный палец и три соседних, не считая свои. Тут я и поняла, что она тоже боится. Просто по-взрослому «сохраняет лицо». Готовит, смотрит «Иронию судьбы», делает, что и все перед Новым годом, как будто все у нас, как у всех... И мы действительно сядем за стол с боем курантов и будем полночи болтать и смотреть телик, а под утро уснем, раздумывая, чем заниматься в каникулы. Глупо. Хотелось уткнуться в теткин фардук и зареветь, но у них не принято.

Я сидела на табуретке у раковины, ждала, пока стечет с пальцев йод.

– Лицо вытри, тетя. Чего ты пробку-то зубами, щиплет же! – Под нижней губой у тетки нарисовалась темно-коричневая капля, как у вампира.

– А? Да. Щиплет. Сейчас. – И ушла в ванную.

Когда в доме поселяется страх, близкие ведут себя как идиоты. Мать с перепугу и отправила меня сюда, к тетке в Зеленоград: «Тетя умная, все-все знает. Тебе с ней будет интересно». Но оказалось, что тетя дура и все ее знания сводятся к лунному календарю: главное – не пропустить ночь, когда надо сваливать из дома, прихватив Машку и дядю Лешу. А я, по милости матери, четвертый год катаюсь в школу на электричке. Бросать-то жалко, да и не верится, что я здесь навсегда. Мать отчего-то думает, что тетка справляется и что мне с ней хорошо. Меня она вообще не слушает. Даже когда звонит, сама не подзывает меня к телефону. Если у тетки трубку не отниму или не наберу мать сама по мобильному, то и не поговорим. Нет, мы не ссорились. Просто боимся. И я, и мать, и тетка с Машкой. Дядя Леша лучше всех делает вид, что ничего не происходит, но все равно заметно, что он тоже боится.

На столе синхронно запищали телефоны: мой и теткин. На обоих напоминалка от лунного календаря: «Полнолуние». Эту программку где-то скачал дядя Леша. Тетка потом неделю за мной бегала, уговаривая поставить ее на телефон. Нет бы прямо сказать: «Ира, мы боимся твоей Твари и хотим, чтобы ты всегда знала о приближении полнолуния и успевала ее приструнить. А мы бы успевали смотаться». Не-ет. Тетка выдумывала всякие глупости, суеверно не желая говорить вслух о том, чего мы все боимся. «Знаешь, как это интересно – лунный календарь! Будешь знать удачные и неудачные дни для учебы и личной жизни. А если контрольная в неудачный день, можно и прогулять...» Тут любой начал бы отбрехиваться. Да и не нужен мне этот лунный календарь, я и так прекрасно знаю, какой сегодня день. Выучила уже. У меня этот календарь в голове, рядом с обычным. Только обычный представляешь себе как дневник, а лунный – как луну. И этой ночью она будет полной. Как бы тетка ни кривлялась, никто сегодня в этом доме не сядет за стол дожидаться боя курантов. Сейчас она выскочит из ванной, глянет на телефон и схватится за голову: «Ой, я только сейчас вспомнила, нас же пригласили...» Интересно, куда их «пригласили» на этот раз? Вообще интересно, куда они все уходят в полнолуние, чтобы не оставаться со мной? Я так и не познакомилась с теткиными подругами, они сюда не приходят. А имена «пригласивших» она всякий раз называет разные...

Тетка выскочила из ванной, взяла со стола мобильник, выключила «напоминалку», и все пошло по отработанному сценарию.

– Ой, я забыла, нас же пригласили на Новый год к тете Лене! Помнишь ее?

Отвечать было не обязательно, тетка и не ждала моего ответа. Она врала, я знала, что она врет, и она знала, что я знаю. Но по законам театра она должна говорить свой текст, что бы ни случилось.

– Но, малыш, там будут только взрослые. Ты не обидишься? – Я не утруждала себя ответом и корчила тетке рожи. Ненавижу этот театр на дому! – Вот и хорошо. Посидите с ребятами одни, без предков, а мы сейчас все приготовим...

С какими, к черту, ребятами?! Я не убийца, звать сюда ребят. Новый год мы будем встречать вдвоем: я и Тварь. Тетка знает. Дядька знает, знают Машка и мать. Когда в доме поселяется страх, близкие ведут себя как идиоты.

– Хватит кривляться, картошку режь, остыла. И не хулиганьте! Соседей не заливать, петарды в мусоропроводе не взрывать. Я попрошу тетю Марину, чтобы за вами посматривала.

– Я никого не приглашала...

В дверь позвонили, чем и спасли положение. Я уже готова была высказать тетке все о ее вранье, но вскочила и побежала открывать: где там мой новогодний велосипед с дядей Лешей?

Велосипеда за дверью не было, дядя Леша был – замерзший и навьюченный сумками. С ним были Сашка и Фантомас, которых я не звала, но они все равно пришли, и это здорово.

– Вот, Ирка, твои подарки, в канаве нашел! – Дядя Леша шумно опустил сумки и выпрямился, кивая на Сашку с Фантомасом. Друзья вошли следом, отряхивая с шапок снег.

– И ничего не в канаве! – обиделся Фантомас. – Мы с горки катались. Увидели вас, решили зайти за Ирккой. Пойдешь? – Последнее он бросил мне нарочито небрежно, как у них принято разговаривать с девочками. По-моему, они меня жалеют. Ну, Сашка и Фантомас. Знают, что в школу я езжу в Москву и что мои школьные подруги, если они есть, не спешат забегать ко мне после уроков. Полчаса на метро, полчаса на электричке – забегаешься. Здесь, в Зеленограде, я тоже не нажила подруг. Парни это видят. Они целыми вечерами во дворе, в хоккейной коробке: зимой хоккей, летом футбол. Им оттуда все видать: кто куда пошел и с кем. Осведомлены не хуже бабушек на лавочке. Видят, что я из школы – одна, с собакой – одна, и жалеют. А может, когда я переехала, им просто стало любопытно: кто это новенький поселился в их подъезде. Год присматривались, а потом вытащили гулять. До сих пор вытаскивают. Они да собака Машкина – вся моя компания.

– Оденусь только. Пройдите, не стойте там...

– Мальчишки! – Тетка выглянула с кухни. – Идите чаю попейте, она три часа одеваться будет!

И я пошла одеваться три часа. Комната у нас с Машкой общая, так что пришлось быстро помириться. Взрослая же девчонка, студентка, понимать должна: мне сейчас не до ее обидок. Да и сама она небось устала дуться.

– Прости, – говорю, – Маша, что я дура. Жизнь такая. Мы тут все не гении, а в полнолуние – особенно.

Машка оторвалась от компьютерной игрушки (экзамены, говоришь?) и вспомнила свою роль в этом домашнем спектакле:

– И ты меня. А при чем здесь полнолуние?

– Ни при чем, ни при чем, если тебе так удобно. – Я оделась и захлопнула шкаф. – Да ты не бойсь, вы сегодня к тете Лене едете.

– К какой еще тете? Я с девчонками Новый год встречаю. На Панфиловском!

– Твое дело. А я с мальчишками пойду с горки кататься. На заднице.

Машка хрюкнула мне в спину и побежала разбираться с теткой, кто куда сегодня едет, лишь бы не оставаться дома. Сашка и Фантомас все так же стояли в коридоре, вяло отбредиваясь от приглашений тетки (два года знакомы, но они до сих пор ее стесняются). Сашка уже вертел в руках мою ледянку, Фантомас подталкивал ногой мои сапоги. Поторапливали, запарились небось тут стоять.

– Иду-иду. Могли бы и чаю попить, чем стоять – жариться. – Последнее я говорила уже в спину Сашке. Фантомас чуть задержался, посмотреть, как я захлопну дверь, и нырнул за Сашкой в лифт. Двери закрылись, мальчишки синхронно выдохнули (тетки больше нет рядом) и принялись болтать.

– Слышал, тебя на Новый год куда-то увозят? А мы у Виталика соберемся, думали, ты с нами.

– Оставят ее одну, как же, жди! Помнишь, что она месяц назад устроила, когда все уехали?!

– И нас не позвала...

– Я кино смотрела!

– Ага! – заржал Сашка. – У меня от твоего кина люстра неделю раскачивалась. И топот такой по потолку: бум! бум! Скажи честно: устроила сейшн, а нас не позвала.

Мы вышли из подъезда к замерзшему пруду, и Сашка с ходу переключился: оседлал ледянку и – с разбегу вниз! Мы с Фантомасом тоже не отстали. В штаны и за шиворот тут же набился снег, и неприятный разговор кончился сам собой. Мальчишки не умеют ворчать долго.

– Идем на трамплин! – Сашка отряхивался на середине пруда и махал в сторону крутого склона на другом берегу. Там такой трамплин – почки отобьешь. Как раз то, что мне сейчас нужно.

Я въехала Сашке под ноги, уронила и опрокинулась на четвереньки сама. Сзади уже подъезжал Фантомас. Он вопил: «Разойдись!» – но мы не успели. Фантомас влетел в меня, кувыркнулся, потер нос и пожаловался:

– У тебя там что, бронезилет?

– Конечно! Мы же на трамплин собрались!

Крутой склон мы штурмовали с разбегу. Сумасшедшие вроде нас уже протоптали там лесенку, но подниматься по ней было неинтересно. Сашка бежал впереди враскорячку, ледянка в его руке болталась, как единственное крыло раненой клуши. Мы бы посмеялись с Фантомасом, но, думаю, сами были не лучше.

Фантомас вообще-то не Фантомас, а Гондурас. Была у него раньше такая привычка: если рассказывает о чем-то плохом, говорить: «Гондурас». «Математичка нам вчера Гондурас устроила: контрольную без предупреждения». Или: «Ну и Гондурас у тебя в комнате!» Его и прозвали Гондурасом. Ему нравилось, он так и представлялся: «Гондурас». И тетке моей тоже. Она потом несколько дней переспрашивала: «Как-как зовут этого мальчика? Водолаз? Дикобраз? Фантомас?» Я и рассказала мальчишкам по приколу. Они взяли на вооружение, и Гондурас быстро стал Фантомасом.

Трамплин был отлично раскатан: мы вылетали за середину пруда, врезались в тусов, которые катались на той стороне с пологим склоном, в общем, веселились, как могли. Сашка придумал кататься на пузе, но быстро остыл к этой затее: сказал, что у него на трамплине челюсть хлопает. Фантомас посоветовал привязать ее шарфом и даже попытался Сашке в этом помочь, за что был осыпан снегом и вывален в сугробе. Я тоже попала под раздачу: мне надоело смотреть на борьбу в снегу, я решила поколотить их ледянкой. В ответ получила двумя.

О том, что сегодня полнолуние, я вспомнила, когда мы уже возвращались в обход пруда, в сумерках мимо елочного базара и разукрашенной гирляндами палатки Али. Настроение сразу упало: и оттого, что полнолуние, и еще жутко не хотелось заходить к Али при мальчишках. Если бы я подошла к любой другой из палаток в ряду, с газировкой там или цветами-игрушками, вопросов бы не возникло. Но Али торгует гвоздями-шурпами и всякой скобяной дребеденью, и мальчишки обязательно увяжутся за мной посмотреть, что мне такое понадобилось.

– Вы идите, я еще в палатку зайду. – Впрочем, я и не надеялась отвязаться.

– Да, я тоже хочу пить! – Сашка подскочил к палатке с газировкой и затребовал воды.

– Мне саморезов...

– И Саморезов купим, подожди... А зачем тебе?

– Дядя Леша просил. И там еще кое-что.

Сашка цапнул свою воду, Фантомас тут же подбежал отбирать. Пока они пили, я быстро нырнула в палатку Али. У него тепло и пахнет железом.

– Цепь-ноль-пять-десять-метров... Здравствуйте!

– Здравствуйте! – Али разулыбался и пошел отматывать для меня цепь. Он думает, что у нас огромная собака, которая регулярно устраивает в доме погром. Раз в месяц захожу к нему за цепью, саморезами, скобами, а иногда и замками. Что тут еще подумаешь? Али, правда, иногда встречает меня с собакой: Машкиным терьером, не выше колена, но его это не смущает.

– Хорошая собачка у вас, э? – Он протянул мне цепь, завернутую в бумагу, и тут как раз вошел Сашка:

– Ты все? Мы уже околели там стоять.

– Да! Еще десяток вон тех скобок и саморезов – два. Сейчас... Сказала: не ждите меня... – Я боялась, что любопытный Сашка полезет в бумажный сверток у меня в руке. Что я

скажу? Тоже дядя Леша просил? Тетку привязывать? Сашка не Али, додуматься до карманной собачки-убийцы ему фантазии не хватит.

Но Сашка не полез, только стоял и дышал на пальцы – отогревался. Али быстро ссыпал мне в пакет саморезы да еще пожелал счастливого Нового года, шутник. Вот и пора домой. Надеюсь, мои уже уехали, и надеюсь, парни не заметят, что машины во дворе нет, а я осталась. Впрочем, уже темно. Да и машины замело так, что не различишь.

Лифт развез нас по домам: пятый, шестой, седьмой. Вот же мне подфартило: жить между двумя любопытными! Все странности, что творятся у меня дома, парни слышат. Слышат, а наутро спрашивают: «Что у вас там вчера творилось?! Мои полночи уснуть не могли, хотели в милицию звонить, еле отговорил». А я – выдумывай, выкручивайся, ври. То к Машке подруги пришли и устроили бузу, то телик сломался и орал... Я просто специалист по таким отмазкам. Хотите шуметь всю ночь и чтобы утром вам за это ничего не было, спросите меня как.

Дверь была заперта: уехали! Ключи у соседки справа – тети Тани, только в руки она мне их не даст. Выйдет на звонок, буркнет что-нибудь, откроет, выпустит меня и запрет снаружи. Что ей там тетка про меня наплела, я не знаю, но вижу, что ничего хорошего.

– Чего трезвонишь, ненормальная? – И вам здрастье. Отвечать ей вслух – только портить себе настроение. Я пожалала плечами, мол, и так все понятно.

Соседка ковырялась на вешалке, отодвигая куртки, брякая связками ключей. Машкин терьер выглядывал из-за ее ног, втягивая воздух любопытным носом. Знает, что домой до утра не возьмут ни его, ни ключи. Чего тетка его с собой не забирает, когда по гостям катается?

– Новый год скоро, где тебя черти носят?.. – Как будто тетя-Таня пригласила к себе и без меня за стол не садится.

Машкин терьер сопел в коридоре, но ко мне не выходил. Сделала ему ручкой, пошла домой одна.

В прихожей темно. Соседка снаружи позвенела ключами и ушаркала к себе. Я зажмурилась, включила свет. Четвертый год с Тварью живу, никак не отвыкну бояться. Разулась, скинула куртку, вытряхнула на диван железо из палатки Али, полезла в кладовку за инструментами. Новый год! Чертово полнолуние, нет бы наступить ночью раньше или позже. Но нет, ему понадобилось в Новый год, когда на улице будет куча народу и выпускать Тварь из дому нельзя. Даже в лес.

Лес виден из нашего окна, настоящий, большой, не какой-то там лесопарк с лавочками и аттракционами. Обычно он меня здорово выручает: там днем-то мало кого встретишь, кроме редких компаний с мангалами. А уж ночью – дураков нет. Я и выпускаю Тварь туда, пусть по кустам носится. Но сегодня компаний и мангалов там будет до чертиков, погода-то какая, снежок...

Я смотрела на лес и прикручивала железные скобки по периметру оконных рам. Натяну цепь зигзагами, чтобы Тварь не сиганула в окно. Ей до фени шестой этаж, мозгов-то нет. За дверь я не волновалась: дядя Леша поставил хорошие замки: без ключей да еще лапами изнутри не откроешь.

1 января

В такие моменты острее всего чувствуешь, что ты не такая, как все. В доме напротив светились все окна, в окнах то и дело мелькали фигурки с тарелками-бутылками. А я сидела в темноте, чтобы соседи не увидели Тварь. Из-за стен доносилось бормотание телика и какой-то новогодний концерт, негромкий, но слышный в моей тишине. У Фантомаса наверху сдвигали столы. Я сидела как мышь, ведь мальчишки думают, что у нас все уехали. Правда, скоро придет Тварь, и вся моя конспирация полетит к черту, но я, как всегда, надеялась на себя и удачу. Может, за новогодними петардами никто и не услышит нашей с Тварью возни. А услышат, скажу, что это не мы, а другие соседи: Новый год, все шумят, поди разберись, кто больше.

Под эту мысль я все-таки включила телик, притащила с кухни авоську мандаринов, да и набросилась на них, как будто неделю не кормили. Мне хотелось почувствовать праздник, побыть, как все, а не уродом, которому и свет-то включить нельзя, чтобы соседи не испугались. Желание, что ли, загадать? Сжечь бумажку, кинуть в бокал с шампанским, у дядьки вон полный холодильник припасен неизвестно для кого. И это не успею. Тварь, как подбавляет оборотням, придет в полночь, вместе с боем курантов. Вот тебе и Новый год. А если пораньше?

От алкоголизма меня спасла речь президента. Увидела и поняла: не успею. Да и не надо: кому-то всю ночь воевать.

Я сглотнула последнюю мандаринку с половиной кожуры, перекрестилась, хоть это и бесполезно, и почувствовала знакомую ломоту в костях: Тварь уже близко. Ломило пальцы, спину и даже где-то в животе, где костей нет. Я свернулась на диване и радовалась, что всегда чувствую приближение Твари. Было бы хуже, если бы она приходила незаметно для меня. А так – хорошо, я все чувствую. Последний год даже научилась ее контролировать, не как дрессировщик, но все же. Я знаю, что у нее на уме и как ее перехитрить. Хотя при виде мяса все равно не удержу, этого и боюсь.

Тварь встала на дыбы и противно завизжала. Это мужчины воют, а моя визжит, высоко, так что ушам больно.

– Заткнись! – Еще не хватало, чтобы на зов сбежались ей подобные, тогда я точно не выдержу осады.

Тварь заткнулась не от моей команды, а оттого, что у нее были дела поважнее визга на диванчике. Она поскакала к окнам, проверять на прочность цепи Али. Прочность вообще-то паршивенькая, но на ночь обычно хватает. Поэтому и зиму не люблю: ночи длинные. Летом хорошо: до четырех повоевала – и рассвет, можно спать. А зимой... Плохоньким цепям надо выстоять до восьми, не меньше, а Тварь уже поддевала скобу когтями. Я удерживала, пыталась отвлечь внимание телевизором: там новогодний концерт, мясо показывают. Но Тварь плохо видит изображение на экране, может разглядеть только крупный план. А по телику, как назло, показывали зал, толпу... Не видно. Дядя Леша давно хотел купить «плазму» побольше, но, боюсь, я не доживу. Тварь только мельком глянула на экран с человечками-муравьями (муть какая-то) и опять взялась за скобу.

Следующими в программе были Машкины старые куклы. Тварь может на несколько минут отвлечься, пока не растерзает и не поймет, что ей подсовывают фуфлю. Кукол совсем мало, Машка на днях вытащила из кладовки последние. Я пускаю их в ход только в экстренных случаях, но сегодня Новый год, и на улице полно народу. Если Тварь скovyрнет скобы и выскочит из окна... Вообще уже выскакивала несколько раз, но тогда она просто побегала по пустому леску – и все.

Оттащить ее от скоб в противоположный угол, где лежали куклы, было нереально. Я удачно наступила на пульт, телик резко прибавил громкость. Тварь вздрогнула, обернулась... И увидела зеркало – тоже неплохо.

Иногда они ведут себя как обычные животные. Или как дети: внимание переключается за секунду, и так же быстро меняется настроение. Увидев своего двойника, Тварь обнюхала зеркало и вздыбила свои три волоска на загривке. Двойник не остался в долгу. У них немного шерсти: все-таки наполовину люди, и мимика богатая не по-волчьи. Как будто чья-то злая рука заперла человека в звериное тело, да так и не смогла запрятать под шкуру все человеческое. Ну, в общем, так оно и есть, да. Тварь и бровями делает, как я, и так же морщит нос. А все равно страшная! Волчья морда на тонкой-тонкой шейке; руки-лапы с длинными, как у людей, пальцами, только не гибкими; когти. Коленки – вперед, а не назад, как у животных, но это сходство с людьми только еще больше уродует.

Тварь бросалась на зеркало, рыча и визжа на весь дом, но шум этот меня уже не волновал: главное, что она отвлеклась на какое-то время. Еще несколько минут долой из длиннющей зимней ночи. Я даже развеселилась. В животе бегал теплый комочек от того, как играет со своим отражением Тварь. Ей весело, она не думает о еде. Весело, иначе бы она давно разнесла это зеркало вдребезги.

В такие минуты нельзя думать ни о времени, ни о цепях на окне, ни о чем нельзя думать. Твари весело, и ты веселись. Заиграешься – время пройдет быстрее, а если начнешь думать: «Вот еще минус одна минута», Твари быстро наскучит ее занятие, и у нее появятся плохие идеи. Я бросалась на зеркало вместе с ней, раскатывая щекочущий комочек в животе, и это помогало. Тварь перед зеркалом визжала, поскуливала, вертелась волчком и даже корчила рожи. От человеческих гримас на звериной морде было не по себе, но я старательно веселилась. Никогда не привыкну, никогда! Но кто ж меня спрашивает?

На беду, во дворе взорвалась петарда. Одна, другая, целая очередь, не захочешь, а подбежишь к окну посмотреть! А за окном – мясо. Тварь как увидела – вцепилась в скобу зубами и рванула на себя. Удержать ее было уже нереально. Какое зеркало, какие куклы, когда мясо бежит прямо под окном, да еще и с салютом! От этого мне самой становилось дурно. Я хорошо прикрутила скобы, но Тварь все-таки сильнее меня. Цепь со звоном осыпалась на пол, странно хрустнул стеклопакет, и вот мы уже летим с шестого этажа навстречу крови.

Ненавижу себя в такие минуты! Перед зеркалом было не противно, противно сейчас, когда Тварь приземляется на четыре лапы, и нет бы завывать, а потихоньку, незаметно крадется во двор, к людям. Я равнодушно подумала, что еще не била стекол зимой, и от тетки мне здорово влетит. Не всякого мастера заставишь работать в праздники.

Во дворе были Сашка с родителями, Фантомас и еще трое парней, я их не знаю. Я тарасилась на них всем своим ночным зрением и уговаривала Тварь не подходить. Вдруг что-нибудь екнуло у нее в желудке: друзья все-таки. Тварь была уже близко, на расстоянии прыжка. Ребята ее не видели, а по моим ноздрям ездил их запах: еще немного – и отключусь. Они взрывали петарды одну за другой, и только это не давало Твари прыгнуть. Ночное зрение, ночное зрение... Я разглядела тонкую царапину у Сашки над губой, сегодня посадил на горке. Помнишь, как мы катались? Как было здорово? Но Тварь видела только, что царапина еще сырая, и слышала только запах крови. И чем больше я разглядывала Сашку, тем ближе подкрадывалась Тварь.

Мне стало совсем нехорошо. Царапина перед глазами расплзлась в широченную рану. Последнее, что я смогла, это заставить Тварь взвыть на весь микрорайон, высоко, с визгом, чтобы все разбежались. «Не поможет: один мой прыжок – как десять их шагов», – это я думала уже в прыжке. Но глаза обожгло, перед лицом бабахнуло, и я сразу пришла в себя. Тварь визжала и возила мордой в сугробе, а я подумала: «Молодец, Сашка!» Ну или кто там, все равно молодец.

Уходить никто не собирался, и это было очень плохо. У людей Новый год, что им какая-то Тварь: плешивый бобик с тонкой шейкой и странной мордой. Сашка и Фантомас затеяли обстреливать Тварь снежками, для них это была просто беспризорная злая собака, которая

испугалась петард и решила отомстить подрывникам. Тварь даже растерялась от такого обращения, и я успела завернуть ее вон со двора.

А люди были везде. У каждого дома взрывали петарды, лепили снеговиков и ездили по ноздрям теплым запахом. Я по привычке гнала Тварь в лес, да и наверняка там народу поменьше, чем во дворах. Получив петарду в нос, она стала сговорчивее. Я даже позволила ей остановиться у самого леса, где нет людей, и как следует поваляться в сугробе – остудить обожженную морду. Вообще они быстро регенерируют, я не сомневалась, что к утру никакого ожога не будет.

В лесу мелькали огоньки: немного, всего два. А с другой стороны – темень, туда-то мы и отправимся. К счастью, Тварь не настолько умна, чтобы выстроить логическую цепочку: «огонек-костер-люди», так что побежала, куда направили, без вопросов. Пусть в той стороне леса жгут костры, а мы пойдем туда, где никого нет.

Я спешила, гнала Тварь галопом, все дальше и дальше в лес. Если она хоть чуть-чуть притормозит и поведет носом, вся моя осторожность полетит к черту. Они прекрасно чувствуют запахи. При желании я могла бы сейчас отыскать тетку со всем семейством, в гостях они там или где. Бесплезно прятаться. Поэтому я спешила. Еще полкилометра на восток, и будет выгоревшая поляна. Я нашла ее недавно, этим летом, и она здорово выручает. Вокруг поляны можно бегать хоть до утра, причем с друзьями. Запах гари забивает ноздри оборотня так, что он не учует, даже если рядом будет толпа народу. Ну, при условии, что толпа эта будет вести себя тихо и не показываться на глаза. Главное – не давать Твари свернуть с поляны, пусть себе нарежет круги. Лишь бы кто-нибудь неподалеку не взорвал петарду или не выдал себя голосом.

Первая струйка запаха гари пощекотала ноздрю. Тварь чихнула и попыталась свернуть, но я была начеку. Когда поблизости нет мяса, она у меня сговорчивая: спокойно побежала, куда велели, хоть ей и было противно. Ничего, до утра потерпит. А кому-то до полудня на улице куковать, потому что без тетки я домой не попаду. Соседка, которая сама же меня заперла, не поймет, если я завалюсь к ней с рассветом и потребую ключи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.